ством для русской поэзии. Здесь стоит *мшистый* дуб, *унывно воет* ветер, *томно шумит* лист — эмоциональное воздействие картины создается подбором соответствующих общему настроению эпитетов, придающих пейзажу какие-то еще не очень точно локализованные черты местного колорита. Это не тот почти абстрактный пейзаж с златыми нивами и никак не изображенными лесами и лугами, который описывается в другой части оды. Капнист хочет, чтобы читатель увидел то, о чем говорится в оде, и одновременно разделил лирическое волнение поэта. Но совместить эти два различных задания в одах 1780-х годов Капнист не может. Державинская конкретность и предметность, державинская палитра цветов — все это Капнисту недоступно; не следует он Державину и в смелости, с которой последний вводит в оду сатирические темы и басенный язык.

Друзья-поэты — были советчиками Державина и стремились быть его учителями. Переписка Державина с Львовым и Капнистом полна споров о державинских стихах; во многих случаях Державин, отправив им свое произведение по почте, получал его в переработанном виде с приложением пространных рецензий. В этих дружеских спорах позиции сторон уточнялись и выверялись. И, как бывает часто в литературной полемике, спор приводил не к согласию, а только к осознанию несходства творческих устремлений.

Однажды дружеская полемика стала достоянием печати. В ноябре 1789 года Державин напечатал в «Новых ежемесячных сочинениях» свою известную оду «Изображение Фелицы», которая вся представляет собой ряд обращений к Рафаэлю с перечислением многочисленных картин — изображений Фелицы. Самое обращение к Рафаэлю — чистая условность; оно нужно было Державину как мотивировка того богатства красок и разнообразия «картин», которые он живописует словом в своей оде. Капнист, к этому времени уже отказавшийся от словесных картин в стихах, от «говорящей живописи», не пропустил удобного случая спародировать и вышутить неприемлемую для него поэтическую манеру Державина. В мае 1790 года он напечатал в том же журнале «Ответ Рафаела певцу Фелицы»:

Мурза! сто тридцать повелений
Тобой предписанные мне,
Признаться, удивили тени,
Живущи праздно в сей стране:
Им показалось очень странно,
Как так с легка и так пространной